

Королевская власть в Уэльсе в XI–XII вв.: между героическим прошлым и туманным будущим

В XI–XII вв. власть в Уэльсе была сосредоточена в руках королевских династий, воинской знати и, в некоторой степени, Церкви, которая также пользовалась особыми правами и привилегиями. Жизнь этих людей — их военные победы и поражения, союзы и междоусобные распри — и составляет политическую картину эпохи.

Для правителей в средневековом Уэльсе существовало несколько обозначений: чаще всего их называли *brenin* «король» (лат. *rex*), *arglwydd* «господин, повелитель» (лат. *dominus*) и *tywysog* «князь, принц» (лат. *princeps*), хотя обычно они упоминаются в источниках без какого-либо титула и территориальной принадлежности. Количество королевств до сих пор спорно, как и количество династий. Последние, к тому же, не имели четкого определения: хотя в текстах законов и указано, что только сыновья, племянники и двоюродные братья короля могут считаться членами королевской семьи (лат. *membra regis*, вал. *aelodau y brenin*) и претендовать на престол, в реальности к власти порой приходили и его более дальние родственники.

Хотя политическая география в средневековом Уэльсе и отличалась нестабильностью, статус короля в этом строго иерархическом обществе был четко закреплен «ценой чести», а законность его власти утверждалась с помощью исторической мифологии и генеалогии, которая, как и в Ирландии, служила для правящей династии мощным идеологическим инструментом. Соответственно, происхождение было необходимым, хотя и не единственным, условием для обретения власти.

Однако генеалогия не помогала определить, кто из возможных претендентов на престол должен стать и станет королем. Дело в том, что традиционно в Уэльсе как наследство, так и власть делились между наследниками мужского пола вплоть до четвертой степени родства. У этой проблемы было два возможных решения: во-первых, король мог сам объявить преемника, что, несмотря на детальные и красноречивые описания в юридических трактатах,

популярностью не пользовалось. Во всяком случае, каких-либо упоминаний подобной практики в источниках нет. К тому же, выбор наследника при жизни короля отнюдь не означал, что тот займет трон после его смерти. Сам принцип разделения наследства и власти, очень глубоко укоренившийся в валлийской культуре, является вторым решением этой проблемы, и тоже не очень действенным: бесконечно делить владения нельзя.

В связи с этим шансы на обретение власти определялись также военными успехами и личными качествами претендента на престол. Так, Рис ап Теудур (ум. 1093), правитель Дехейбарта, — отличный пример того, как сила и военное мастерство одного из членов династии может избавить его от разделения власти с кем бы то ни было. Рис — без сомнения, член королевского рода, — оказался главным претендентом на престол после смерти своих троюродных братьев Маредида, Риса и Хивела ап Оуэйна. Однако королем он стал не «по умолчанию», а благодаря успешной военной кампании с привлечением местных и иностранных союзников против своего дальнего родственника Карадога ап Гриффида ап Риддерха в 1081 г. И действительно, в XI в. военная сила часто брала верх над происхождением: древняя королевская династия Гвинеда, одного из крупнейших королевств средневекового Уэльса, была свергнута в 1018 г. проходивцем Лливелином ап Сейсиллом, и восстановилась в правах только в 1075 г. героическими усилиями Грифида ап Кинана.

Устойчивость королевской власти зависела, прежде всего, от военного могущества короля. Гиральд Камбрийский так писал о валлийцах: «Их умы всегда заняты защитой своей страны и грабежом; они находят удовольствие лишь в лошадях, оружии и своем обмундировании». Военные набеги были основным источником как богатства, которым король впоследствии щедро оделял приближенных, так и славы, которая измерялась размером награбленного. Военная служба рассматривалась как непреложная обязанность всех свободных людей, от которой не освобождались даже члены королевской семьи. В юридических трактатах подробно описываются правила разделения военной добычи и случаи, в которых король может повести свое войско войной на неприятеля. «Весь народ, — заключает Гиральд Камбрийский, — посвящает себя войне»¹. Одним из важнейших военных ресурсов короля была постоянная вооруженная свита (вал. *teulu*), другим — замки, искусство строить которые было перенято у норманнов. Хотя поначалу валлийцы просто разрушали захваченные норманнские замки (как в Гвинеде в 1096 г.), со временем они начали использовать их для своих нужд (как в Кармартене в 1116 г.), а затем, с середины XII в., возводить свои, что нашло отражение в законах.

1. *Giraldus Cambrensis, Opera*,
iii, 182.

Агрессия была необходима для выживания, постоянная агрессия — для удержания власти. При отсутствии централизованной политической системы каждый должен был либо управлять, либо подчиняться. Месть была священным долгом каждой семьи и искореняла целые ветви знатных родов. Внутрисемейные конфликты часто происходили одновременно с междинастическими распрями. Тактика ведения и тех, и других была одинакова: между отдельными ветвями родов формировались союзы, которые подкреплялись браками; для борьбы с неприятелем привлекались наемники: молодые воины, впавшие в немилость правителя или просто сидящие без дела, а иногда и викинги, ирландцы или норманны; совершались разорительные набеги с целью лишить противника ресурсов, и все это, в конце концов, завершалось предательством или открытой битвой. Проигравшему грозила смерть, увечья, а в лучшем случае — изгнание в Ирландию, перспектива которого валлийцев, однако, не слишком радовала. Особенных угрызений совести за убийство близких родственников при этом никто не испытывал; впрочем, Морган ап Кадуган почувствовал необходимость совершить паломничество в Иерусалим в 1128 г., чтобы искупить убийство своего брата Маредида, совершенное тремя годами ранее.

Стабильности в правящих династиях в XI в. не было, равно как и в сферах их политического влияния. Их владения расширялись, сокращались, делились и вовсе исчезали в зависимости от военных успехов и неудач правителей. Однако уже в это время выделялись четыре крупных королевства: Гвинед, Поуис, Дивед-Дехейбарт и менее отчетливо — Морганнуг.

Тем не менее, другие земли — Аруистли, Рос и Ривониог, Дифрин Клауд и, вероятно, Брихейниог и Гвент — все еще существовали и даже пытались сохранять независимость, хотя их статус оставался неопределенным. Кердигон же, некогда бывший самостоятельным королевством, по очереди побывал под властью норманнов и династий Поуиса, Гвинеда и Дехейбарта. Интересы королей часто выходили за границы их собственных владений: захват чужих территорий и борьба за новые были неотъемлемой частью деятельности успешного короля. Расширение границ сводилось к военному захвату и экономической эксплуатации земель, но не доходило до формальной аннексии, поскольку «движимое имущество» — люди и скот — было гораздо важнее, чем владение территориями. И неудивительно: недостатка в земле не было, а рабочей силы всегда не хватало. Так или иначе, мелкие королевства редко переживали своего основателя, распадаясь или попадая под власть более крупных после его смерти.

Еще одним фактором, важным для обретения королевской власти, служило богатство. Частично его составляли поместья, за счет которых содержался королевский двор. Крестьяне этих поместий несли суровую трудовую повинность и были обязаны снабжать короля и его людей продовольствием. Хотя о системе налогообложения почти ничего не известно вплоть до XIII в., она, несомненно, существовала; сохранились некоторые свидетельства о том, что королевские подданные в юго-западном Уэльсе каждые два или три года платили коллективную дань скотом (вал. *commorth, treth eidion*) и продуктами (вал. *gwestfa*), что сохранилось и после захвата этих территорий норманнами.

Если в военных делах и экономике роль короля была значительна, то в осуществлении судебной власти он изначально почти не участвовал. Валлийское законодательство было основано на традиции, которая передавалась из поколения в поколение полупрофессиональными юристами. Однако власть короля постепенно начинала распространяться и на судебную сферу; значительные изменения в судебной системе приписываются Бледдину ап Кинвину (ум. 1075 г.) и Рису ап Гриффиду (ум. 1197 г.). Впрочем, король скорее вершил правосудие, был носителем идеи справедливости, нежели провозглашал законы. Ко двору периодически обращались с просьбой разрешить тяжбу, и порой король даже брал плату за свое суждение: так, в юридических текстах описан случай, когда он потребовал треть компенсации, полагающейся одному из участников междоусобной распри.

Королевский двор (вал. *llus*) является важнейшим понятием для описания власти в средневековом Уэльсе. В каждой области королевства был свой двор, и названия некоторых из них сохранились и по сей день, например, Ллисваси в Лланнерхе (королевство Дифрин Клуид) или Ллисвен в Анхиниоге (королевство Кередигон). В крупных королевствах какой-либо из королевских дворов становился главным: так, согласно одной из ветвей Мабиноги, «Арберт был главным двором [Диведа], откуда шла вся слава». Дворы были защищены военными укреплениями (вал. *tomen, tyn* — «земляной вал»), откуда происходят названия некоторых из них (например, Томен-и-Вайрдрев в Лланармоне), однако они служили по большей части жилым комплексом, нежели оборонительным укреплением. В центре двора, состоящего из нескольких деревянных построек, был зал (вал. *neuadd*), где обычно находились король и придворные, которые подробно описаны в юридическом трактате «Законы двора». Так, при дворе обычно состояли повар, пивовар, свечных дел мастер, прачка, придворный врач и священник, обслуживающие ежедневные бытовые, телесные и духовные нужды короля и его приближенных. За развлечения отвечали конюхи

Рукопись валлийских законов
XIII века [Peniarth 28](#).

и егерь, а также придворный бард. Были при дворе и чиновники, обеспечивающие осуществление королевской власти: судья, управляющий и казначей. Все эти люди сопровождали короля в его постоянных поездках (вал. *cylch*) по своим владениям. В XI–XII вв. Уэльс еще не имел устоявшейся бюрократической системы и не мог позволить себе роскоши «неподвижного» королевского двора; содержание его зависело непосредственно от клиентов и подданных короля, принимавших его и его людей на постой.

Короли делили власть со знатью, которая обозначалась терминами *uchelwyr* и *gnyrda* «дворяне, благородные люди» в валлийских источниках и *optimates* и *nobiles* соответственно — в латинских. Между ними и королем почти не было различий в происхождении, крови, власти, привилегиях и образе жизни. Многие из тех, кого мы бы сейчас назвали свободной аристократией, считали себя членами королевских родов, равными по статусу королю. Королевскую службу они воспринимали скорее как долг чести, чем как обязанность, а свое исключительное положение в обществе — как дань происхождению, богатству и личным качествам, а не как королевскую милость. Для королей в этом политически нестабильном обществе было очень важно сохранять со знатью хорошие отношения, подкрепляя их подарками и развлечениями. И в «Мабинногюн», и в исторических хрониках король часто изображен в окружении знати, к совету которой он всегда прислушивается.

Жестокость в борьбе за власть и доходящая до фанатизма защита своей чести были свойственны почти каждому средневековому валлийскому правителю. Гриффид ап Кинан (ум. 1137), по словам поэта, был «безжалостен в своей ненависти... он вообще ничего не любил», а его сын Оуэйн (ум. 1170) описан как человек «жестоких страстей»². Подобные характеристики вовсе не

[Сайт, посвященный «Мабинногюн».](#)

2. Llsq. *Hendregadredd*, pp. 2, 15, 262; *Proceedings of the British Academy*, xxxiv (1948), 183-4; J.P. Clancy, *The Earliest Welsh Poetry*, p. 153.

несут отрицательной коннотации: именно такими качествами должен был обладать настоящий король в героическом обществе. Однако существовал и альтернативный образ, в создании и пропаганде которого немалую роль сыграла церковь: от идеального короля требовалось мягкое и справедливое управление страной в мирное время, милосердие и готовность выслушать просьбы подданных. Этот образ отражен, к примеру, в описании мудрого, справедливого и щедрого Арауна, правителя Диведа, в одной из ветвей Мабиноги.

Так или иначе, политическая жизнь Уэльса XI–XII вв. существовала внутри строгих идеологических и мифологических рамок, которым подчинялось все валлийское общество. Это было частью традиционного знания, которое хранили и передавали придворные поэты, которые проходили долгое обучение языку, литературе и истории в особых бардических школах. Их поэзия определялась тем корпусом традиционных текстов, который они осваивали во время ученичества: триадами, генеалогиями, легендами об основании династий и многочисленными полуисторическими преданиями об именах мест. Барды были представителями благородных родов, порой даже королевских кровей, как, например, Хивел ап Оуэйн из Гвинеда (ум. 1170) или Оуэйн Кивейлиог из Поуиса (ум. 1197). В их обязанности входило сочинение хвалебных песен и элегий для своих покровителей, а также восхваление высших правителей этого мира — Бога и святых. В основе бардической мифологии лежит гордость за героическое прошлое бриттов, и особенное внимание уделяется двум вещам. Первой из них является непрерывность связи между Севером (вал. *Yr Hen Ogledd*) Уэльса в V–VII вв. и современным поэту политическим устройством. История Севера, которую составляли легендарные герои, такие как Оуэйн аб Уриен и Риддерх Хайл, и легендарные события, такие как битва при Катрайт и битва при Ардерид, была одновременно статичной картинкой из прошлого и живым источником образцов для подражания. Главные валлийские династии возводили свою родословную к древнему Северу, а барды черпали отсюда эталоны для сравнения, которые использовали в своей хвалебной поэзии. Это мифическое прошлое составляло серьезную часть валлийского самосознания. Второй важной темой в исторической мифологии является римское прошлое Уэльса, что отражено, в частности, в преданиях о Магнусе Максимусе (ум. 388), который известен в валлийской традиции как Максен Вледиг. Он служил своеобразным мостиком от исконной традиции к славе Римской империи, а через нее — к происхождению от легендарных троянцев. Его фигура помогала также объяснить переход от римской государственности к современному политическому укладу. Таким образом, история

была для валлийцев одновременно источником и отражением современности. Их гордость за прошлое несколько уравновешивалась, однако, чувством досады за потерю господства над Британией и гнет (вал. *gormesoedd*) чужеземцев. Конечно, существовал и «антигерой»: Гуртейрн, или Вортигерн, один из трех Бесславных Мужей Британии. Однако валлийцы — или бритты, как они с упорством продолжали называть себя в XII в. — никогда не оставляли надежды вновь обрести власть над Британией, и эта мысль красной нитью проходит через всю историческую мифологию. Она подкрепляется корпусом пророчеств, которые появились еще задолго до норманнского завоевания и ассоциировались, в основном, с Миррдином, или Мерлином, поэтом-пророком, фигура которого также восходит к преданиям Севера. Надежда на избавление от саксов и на приход освободителя, который вернет бриттам их законную власть над всей Британией, была одной из главных тем мерлиновских пророчеств, которые были частью политической идеологии средневекового Уэльса. Этот пласт исторической мифологии сформировался уже как минимум в X в., о чем можно судить по примечательному стихотворению этой эпохи, *Armes Prydain* («Пророчество Британии»), призывающем бриттов и их союзников изгнать саксов из Британии. И даже шесть веков спустя, во времена правления королевы Елизаветы, очевидцы рассказывали о том, как в северном Уэльсе люди собираются под открытым небом среди холмов и поют песни, пересказывают генеалогии, делятся историями о героических деяниях предков, «в частности об их борьбе с королями этого царства и английским народом», и слушают биографии Миррдина, Талиесина и других важных для валлийской традиции фигур³. Мифология, одновременно вневременная и постоянно меняющаяся, прочно входила в сознание валлийцев вне зависимости от их

Рукопись «Книги Талиесина»,
содержащая стихотворение
«Armes Prydain».

Текст «Armes Prydain».

3. *A Catalogue of Manuscripts relating to Wales in the British Museum*, ed. E. Owen (Cymmrodorion Record Series, 1900-22), I, 72.

социального положения. Она связывала мистическое прошлое, безрадостное настоящее и возможность светлого будущего воедино. Кроме того, она была важнейшим инструментом, объединяющим политически раздробленное и децентрализованное общество.

Идеологическая система политической жизни в Уэльсе оставалась неизменной на протяжении XII в., как и причины соревновательного характера власти: обычай разделения наследства, дробление династий и героические ценности свободного милитаристского общества. Однако уже в этот период стали намечаться значительные изменения в характере и распределении политической власти, ставшие заметными в XIII в. Политические конфликты становились менее жестокими и кровопролитными, а экономическое использование земель — более систематическим и все меньше и меньше похожим на грабеж. Кроме того, основные династии обрели более четкий статус, а мелкие королевства ушли в тень Гвинеда, Поуиса и Дехейбарта. Политическая карта Уэльса упростилась, а королевская власть — усилилась.

Оксана Дереза

Московский государственный университет
oksana.dereza@gmail.com
vk.com/ancatmara

Список литературы

- i. *Davies, R. R. Conquest, coexistence, and change: Wales, 1063-1415.* Oxford Clarendon press, University of Wales press, 1987.
- ii. *Walker, D. Medieval Wales.* Cambridge University Press, 1990.
- iii. *The Welsh King and His Court.* T. M. Charles Edwards, Morfydd M. Owen, eds. Cardiff, 2000.